

ГОЛОВА AUDEMARS PIGUET В ГОСТЯХ У ДЖУЛИО ПАПИ АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

у Джулио Папи
ОСОБЫЙ ВЗГЛЯД
на часовую механику

Audemars Piguet все страшно завидуют. Не только потому, что это замечательная марка, имеющая в своей линейке такие вневременные хиты, как спортивные Royal Oak или классические Jules Audemars. У них есть то, чего нет ни у кого. Собственная экспериментальная фабрика, конструкторское бюро Renaud & Papi. И сам Джулио Папи, один из самых известных часовых конструкторов Швейцарии.

Это мануфактура внутри мануфактуры, марка внутри марки. В некотором смысле ее глава Джулио Папи — настоящий слуга двух господ. С одной стороны, мануфактура практически полностью принадлежит Audemars и выполняет все их заказы по разработке сложных и особо сложных механизмов. С другой стороны, вассальная верность не мешает ему работать для других марок. Его инженеры делают часовые конструкции для Ришара Милля, для Cartier, а он сам спроектировал сложнейшую модель Chanel J12 Retrograde Mystérieuse. Положим, это было частью более сложного сотрудничества, когда шанелевские часы J12 стали комплектовать мануфактурными механизмами Audemars Piguet, но все-таки. Где дисциплина?

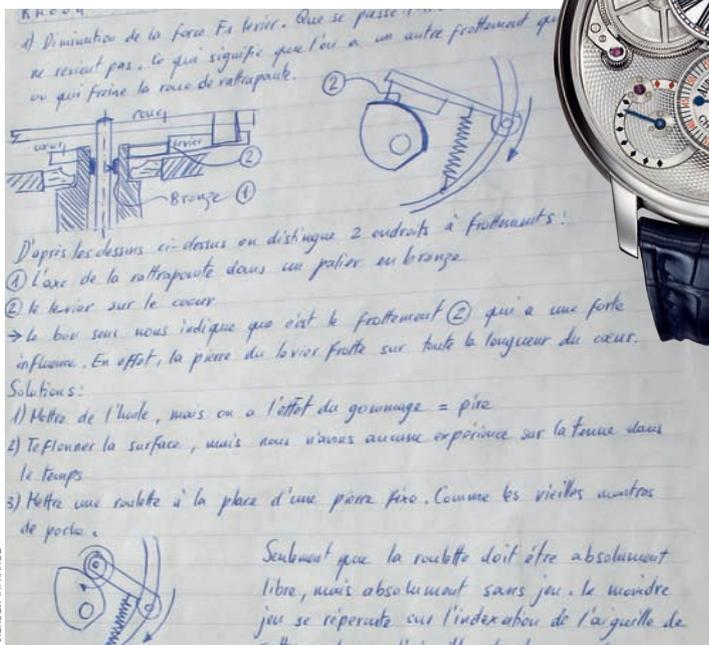
— Неужели вас не ревнуют к конкурентам? — спрашиваю я Папи. Мы ходим с ним по его мануфактуре в Ле-Локле, идиллическом часовом городке на самой французской границе. Непонятно даже, чьи это коровы пасутся на холмах над мануфактурой — местные, швейцарские или соседские, французские.

— Я начинал на Audemars Piguet, — объясняет Папи. — К ним я и вернулся. Когда мы с Домиником Рено начали делать собственную мануфактуру, ни один швейцарский банк не согласился дать нам денег. Они предпочли американскую недвижимость, за что и заплатились потом. Нам помог Audemars Piguet, который с тех пор стал нашим главным акционером. Но они никогда не требовали, чтобы мы работали только на них.

Начальники Audemars в этом смысле не только благородны, но и прагматичны. Во-первых, работая на других, Renaud & Papi получает интересные темы, результаты и средства для их разработки, а во-вторых — прибыль за выполненную работу в значительной степени идет Audemars Piguet. Они со всех сторон в выигрыше. С каждым годом голова Папи только растет в цене.

В его кабинете на пустом столе стоит одинокий компьютер. Видя, что я разочарован — где божество? где вдохновенье? — он, вздохнув, вынимает кипу тетрадей с зарисовками и чертежами. Нечто похожее на леонардовские кодексы, но выполненные синей шариковой ручкой. «Раньше я придумывал вот так, рисуя. Теперь я придумываю на экране. Компьютер пока что не может изобретать, но все остальное он уже делает лучше», — объясняет Папи.

— Часы сочиняются
здесь как «Евгений
Онегин»

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

— Шедевр
мануфактуры — часы
**Jules Audemars AP
Escapement**
с ручным заводом
и запасом хода 56 часов
в корпусе из платины
диаметром 46 мм

Все вокруг напоминает знакомую обстановку архитектурной мастерской, разве что по стенам вместо планов, фасадов и перспектив висят чертежи механизмов. И точно так же на столах стоят макеты, но не зданий и интерьеров, а шестеренок и якорей. Они могут двигаться, чтобы в великанском масштабе понять и усовершенствовать каждый шаг нового часового мотора. За стеклянной перегородкой за такими же, как у Папи, компьютерами сидят его молодые инженеры. Я вижу, как они собираются вокруг монитора и что-то весело разглядывают. Фото с лыжного уикенда или ролик на YouTube? К изумлению моему, они глядят, как работает часовой механизм, повторяя одно и то же конвульсивное движение. Что вызывает у них такую радость, я понять не могу.

— Здесь я прошу вас не фотографировать! — строго говорит Папи. — Вы же понимаете, что они сейчас придумали!

— Это останется между нами, — обещаю я.

Мы идем по фабрике, которая устроена в принципе так же, как и все мануфактуры, но возле каждой машины Папи останавливается и несколько минут следит за ее работой, как будто бы с ней здороваясь. Новые машины проходят у него испытательный срок. «Если нам не понравится, — говорит Папи, — мы тут же продадим их и купим другие». Зато старые машины явно пользуются его безграничным доверием. Перед машиной, которая нарезает гильзоше, он читает мне целую лекцию о функциональном значении декора. Все известные мне перлажи, соляежи, гравировки, «женевские берега» — тут же обретают простой и понятный смысл. Они должны собрать на себе пыль и тем самым спасти от нее механизм. Пыли вокруг вроде бы не видно, но мой собеседник укоризненно качает головой: «Пыль есть всегда и повсюду, на любом часовом заводе в любой сверхсовременной лаборатории, и вот эти старые ухищрения — на самом деле лучший способ от нее спастись».

На Renaud & Papi проектируют и собирают самые эффективные и сложные из механизмов Audemars Piguet. Единственное, что здесь не производят самостоятельно, — это корпуса часов, обидно было бы тратить на это драгоценное время инженерной команды Джулио Папи. Потому что день работы заменяет месяц учебы в часовых университетах. У него прошли инженерную школу и Кароль Форестье-Касапи из Cartier и Фредерик Гарино, сделавший Opus 8 для Harry Winston, и — вот уж действительно за примером недалеко ходить — Робер Гребель со Стивеном Форси, построившие по соседству свою мануфактуру Greubel Forsey. Непредусмотренный итог, но тоже неплохая продукция Renaud & Papi.

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

— Мануфактура
Renaud & Papi
в Ле-Локле сочетает
ультрасовременный
облик и начинку
с идиллическим
пейзажем